
**СЛУЖЕБНАЯ ПРИГОДНОСТЬ
ИЛИ ЛИЧНЫЕ СИМПАТИИ НАЧАЛЬНИКА:
ОКЛАДНОЕ СОДЕРЖАНИЕ СЛУЖАЩИХ
МЕСТНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ РОССИИ
В СЕРЕДИНЕ XIX В.**

В.А. Иванов

Кафедра истории России
Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
ул. Ленина, 83, Калуга, Россия, 248600

В статье дается характеристика основных источников, содержащих сведения о различных видах материального обеспечения (жалованье, столовые, квартирные деньги) всех категорий служащих местных государственных учреждений России от губернаторов до низших служащих, выявляются их информационные потенциалы и возможности использования для исторического исследования.

Ключевые слова: материальное обеспечение, штатное содержание, формулярные списки, гражданские служащие, местные государственные учреждения, жалованье.

История российского чиновничества периода зрелого абсолютизма в последние десятилетия не однажды привлекала внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей (1). В работах историков охарактеризованы социальный состав, образовательный уровень, возрастной, имущественный ценз чиновников за отдельные годы, условия их службы и быта, моральный облик, освещена система чинов, званий, правительственная политика в сфере формирования и функционирования бюрократии. Однако до сих пор наименее изученным остается такой важный аспект темы, как уровень материального обеспечения служащих местного звена управления, являвшихся на местах беспрекословными проводниками политики верховной власти, что в значительной мере объясняется неразработанностью источниковой базы.

В настоящей статье предпринимается попытка на основе анализа корпуса источников раскрыть размеры и виды материального содержания всех категорий гражданских служащих, занимавших табельные и канцелярские должности в системе местных органов управления России. Временные рамки статьи охватывают последние годы николаевского царствования, отличительной особенностью которого было усиление централизации и бюрократизации, насаждение полицейско-охранительных методов в управлении страной, всевластие и произвол чиновников. Достижение поставленной цели позволит увидеть некоторые итоги тридцатилетней деятельности правитель-

ства Николая I в организации материального обеспечения служебной деятельности служащих местного управления и, в частности, получить ответы на два важнейших вопроса:

1) в какой мере размеры окладного содержания, полагавшиеся чиновнику по закону в зависимости от его чина и должности, соответствовали действительности;

2) содержание какой бюрократии на местах было выгоднее и удобнее самодержавию в условиях существовавшего военно-бюрократического режима – «дешевой» или «дорогой», материально обеспеченной или едва сводившей «концы с концами».

Материальная обеспеченность и сопутствующие ей условия жизни постоянно оказывали существенное влияние на эффективность функционирования бюрократического аппарата, психологию поведения чиновников, их духовно-нравственный облик, семейное положение, культурные потребности, наконец, отношение к служебным обязанностям. По действовавшему в дореформенный период законодательству («Уставам о службе гражданской»), лица, служившие в гражданских ведомствах, получали содержание, включавшее жалованье, во многих случаях столовые, квартирные деньги, другие дополнительные суммы. Чиновникам, командированным по служебным делам, выдавались прогонные, подорожные, подъемные, суточные деньги. При определении величины и формы содержания законодатель предписывал руководствоваться одним из нижеследующих положений:

- 1) классом чиновника;
- 2) занимаемой должностью;
- 3) особым распоряжением начальства;
- 4) особым высочайшим назначением.

В последнем случае оклады назначались независимо от штатов и чинов и не подлежали никаким ограничениям. Жалованье по чинам устанавливалось там, где не было штатов, либо где оно назначалось законом или штатами по чину. По должностям содержание производилось в ведомствах, в которых действовали утвержденные штаты, устанавливавшие его размер по каждой из них. Канцелярским чиновникам жалованье выплачивалось из общей суммы, определенной на них штатным расписанием «по мере трудов, способностей и заслуг каждого», а канцелярским служащим – из ее остатков. Канцеляристам по истечении 5 и 10 лет службы в учреждениях одного ведомства оклад увеличивался на 1/3, а прослужившим 15 лет – вдвое (2).

Основными источниками для изучения материального обеспечения служащих губернских, уездных и городских учреждений в рассматриваемое время являются материалы законодательства – опубликованные в первом и втором Полном собраниях законов Российской Империи общие штаты присутственных мест (3), штаты отдельных учреждений (4) и формулярные (послужные) списки, представляющие собой одну из разновидностей служебной документации (5).

Изучение штатных расписаний некоторых учреждений местной системы управления позволило выявить характерные особенности информации этого источника.

Во-первых, по отдельным должностям штаты заключают сведения о размерах жалования чиновников, или жалования и столовых, или жалования и квартирных, иногда раскрывают различного рода дополнительные выплаты (на разъезды, паек, обмундирование и т.д.).

Во-вторых, в большинстве штатных расписаний содержатся сведения лишь об окладах классных чиновников (не ниже XII класса). Сведения о величине душевых окладов мелких чиновников и низших служащих в них отсутствуют, а сообщается лишь общая сумма расходов на канцелярские расходы и жалование этим работникам, которое распределялось по усмотрению начальников учреждений.

Так, по штатам 1845 г. на писцов, канцелярские и хозяйственные расходы в канцеляриях губернаторов выделялась 1830 руб. (6), а на жалование и паек писцам губернского правления для губерний 1-го разряда – 4900 руб., 2-го – 4400, 3-го – 3800 руб., С.-Петербургского и Московского губернских правлений 6000 и 10 710 руб. в год соответственно (7).

В редких случаях штаты регулировали размеры содержания канцелярских служащих. Так, в высочайше утвержденных 3 мая 1848 г. временных штатах совестных судов на содержание в Московском совестном суде писца среднего оклада было положено 130 руб., писца низшего разряда – 100 руб., а на паек и обмундирование каждому – 45 руб. в год. В Калужском совестном суде на эти нужды ассигновывалось соответственно 78, 48 и 30 руб. в год (8).

В-третьих, и это, пожалуй, самое главное: нередко штатное содержание должностного лица не совпадает с величиной его денежного довольствия, обозначенной в формулярном списке. Это говорит об определенной корректировке учреждением установленных штатами размеров должностных окладов.

Остановимся на этом подробнее, обратившись к конкретному материалу. По временным штатам Московского совестного суда годовое содержание секретаря состояло из жалования – 342,86 руб. и квартирных – 228,29 руб., всего 571,15 руб. в год (9). Служивший в этом учреждении в 1851 г. секретарем выпускник юридического факультета Московского университета коллежский секретарь Я.И. Любимцев, как записано в его формуляре, получал оклад в размере 536 руб. в год (10), что на 35,15 руб. было ниже штатной суммы. В Московском совестном суде писцы среднего оклада недополучали до штатной величины 1,30 руб., низшего оклада – 1 руб. в год. Дворянскому заседателю Калужского совестного суда по штатам предусматривалось жалование в размере 188,70 руб. (11).

Состоявший в этой должности в 1851 г. коллежский регистратор А.П. Рожнов, как видно из его формуляра, получал 102,91 руб. в год (12), т.е. на 85,79 руб. меньше, чем полагалось по штатам. Штаты совестных судов не устанавливали содержания судьям. Тем не менее калужский совестный су-

дья – отставной подполковник А.М. Сухотин, участник заграничного похода русской армии 1813 г., получал годовое жалованье (видимо, назначенное по высочайшему повелению) в размере 171,50 руб. (13).

Интересные результаты дает сопоставление размеров штатного содержания служащих Канцелярии московского военного генерал-губернатора, утвержденных 8 декабря 1848 г. (14), с величиной окладов, указанной в их формулярных списках за 1853 г. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что по некоторым должностям чиновники и канцелярские служители имели содержание, отличавшееся от штатных сумм. Вот несколько примеров.

По штатам Канцелярии помощникам столоначальника было положено годовое содержание в размере 350 руб. (300 – жалованье и 50 – столовые). Из 6 штатных чиновников, числившихся в этой должности согласно послужным спискам, половина имела штатный оклад. Остальные получали сокращенные выплаты в 120, 250 и 300 руб. в год (15).

По штату Канцелярии переводчику устанавливался годовой оклад в 200 руб. (включая 50 руб. столовых). Служивший в этой должности титулярный советник Н.Н. Брондуков получал окладное содержание в размере 300 руб. в год (из них собственно жалованье 250 руб.) (16), т.е. на 50 руб. больше. Штатный оклад помощника журналиста составлял 200 руб. в год (150 руб. жалованья и 50 руб. столовых). Занимавший эту должность губернский секретарь Д.Н. Георгиевский получал 240 руб. жалованья в год, т.е. в сумме его содержание было выше штатной величины на 40 руб. (17). Еще большим разнообразием отличалось жалованье писцов Канцелярии. По штатам жалованье писца высшего разряда равнялось 200 руб., среднего – 100, низшего – 70 руб. в год. Из 7 штатных писцов высшего разряда лишь два человека получали штатное жалованье (18). Остальные довольствовались неполными выплатами причитавшихся им денег (3 чел. получали по 180 руб., по одному – 90 и 80 руб.) (19). Среди писцов среднего разряда (по штату их значилось 4 чел., формуляры сохранились на трех) два человека имели годовое содержание в размере 120 руб., т.е. на 20 руб. выше штатного оклада, один – выпускник С.-Петербургского университета, сын потомственного дворянина губернский секретарь А.Л. Павличинский жалованья не получал (20). Что касается двух писцов низшего разряда, то они получали жалованье, на 20 руб. превышавшее штатный показатель (21).

Бросающиеся в глаза расхождения между штатной и реальной величиной содержания встречались и у губернаторов. Проиллюстрируем это следующими примерами.

Московскому гражданскому губернатору по штатному расписанию было положено 2145 руб. жалованья, и столько же столовых (22), т.е. 4290 руб. в год. Служивший в этой должности камергер двора е. и. в. тайный советник И.В. Капнист (сын известного драматурга В.В. Капниста, автора комедии «Ябеда») в 1853 г. сверх жалованья и столовых получал еще «прибавочные» (4000 руб.) и «карманные» (1500 руб.) деньги (23).

Таким образом, содержание столичного губернатора исчислялось в 9790 руб. в год, т.е. в 2,3 раза превышало штатную сумму.

Калужский губернатор действительный статский советник П.А. Булгаков в 1854 г. кроме положенных ему по должности 3432 руб. в год (1716 руб. жалованья и такого же размера столовых) получал еще «добавочные» деньги в размере 2 тыс. руб. в год (24), т.е. всего 5432 руб., что было свыше предусмотренного штатами оклада в 1,6 раза.

Важно, что отклонение в размерах окладного содержания губернаторов (в сторону завышения) от величины, предусмотренной штатным расписанием в дореформенной России, было скорее правилом, чем исключением. Так, по сведениям, содержащимся в «Списке гражданским чинам первых четырех классов на 1853 г.», приведенным в книге П.А. Зайончковского (25), эстляндский губернатор И.Е. Гринвальд вместо 3432 руб. в год получал 5052 руб., т.е. на 1620 руб. больше, чем ему полагалось по закону. Годовой оклад тверского губернатора А.П. Бакунина, с учетом «прибавки» в 4 тыс. руб., был равен 7432 руб., т.е. превышал штатное содержание в 2,2 раза.

По наблюдениям историка, наибольший оклад из провинциальных администраторов имели пензенский губернатор А.А. Панчулидзе и пермский губернатор И.И. Орлов. Оклад каждого из них, включая различные «добавки» и «аренды», достигал 8632 руб. в год, т.е. в 2,5 раза превышал штатную величину. Приведенные примеры красноречиво свидетельствуют, что реальное содержание «хозяев губерний» было неодинаковым, включало разные составляющие и значительно выходило за суммы, определенные штатами.

Итак, на основании изложенного материала можно смело утверждать, что по ряду должностей в системе органов местного управления имелись расхождения между положенным государством содержанием, предоставлявшимся той или иной должностью, и действительным материальным вознаграждением. Это свидетельствует о том, что после введения штатов на местах существовала практика перераспределения финансовых средств на содержание управленческого аппарата.

Губернское начальство по своему усмотрению корректировало окладное содержание отдельных чиновников. Одной из причин тому был недостаток ассигнований из центра на гражданское губернское управление.

Кроме того, видимо, не последнюю роль играли служебная пригодность исполнителей, личные симпатии и антипатии начальников к своим подчиненным, характер сложившихся между ними отношений. Наконец, отдельным чиновникам за известные заслуги величина содержания определялась не штатами, а высочайшим распоряжением.

Из сказанного выше вытекает еще один и, быть может, самый важный в источниковедческом отношении вывод. Штатные показатели расходов на содержание деятелей местной администрации, если судить по вышеприведенным отдельным, но весьма показательным примерам (их перечень можно было бы продолжить), по некоторым категориям должностных лиц, как в

столице, так и в провинции, не соответствовали действительности. В известной мере это может служить доводом в пользу того, что штатные расписания безоговорочно не могут быть привлечены в качестве источника для определения размеров и видов содержания классных чиновников, а тем более канцелярских служащих местного звена государственного аппарата. При работе с этим материалом необходимо соблюдать осторожность, по возможности проверяя и перепроверяя его сведениями других источников.

Большое значение для выяснения размеров, видов и способов материального обеспечения служебной деятельности персонала местного управления имеют формулярные списки. Внесение сведений о получаемом содержании в служебный формуляр статских служащих предусматривалось указом Правительствующего Сената от 16 июля 1849 г. (26). В списках фиксировались размеры как основного жалования, так и размеры составляющих добавочное (столовые, квартирные, разъездные, пайковые и т.п.) содержание служащих, а также пенсионные выплаты, если таковые имелись.

Следует особо оговорить, что послужные списки довольно полно аккумулируют данные о денежном содержании не только табельных чиновников, но и, что очень важно, лиц, получавших фиксированное жалование, находившихся на самых низших ступенях служебной иерархии – канцелярских чиновников и служащих. В корпусе выявленных документов доля списков, в которых отсутствует данная информация, не превышает 2%. Это свидетельствует о том, что при заполнении формуляров этому показателю, как и требовал законодатель, придавалось большое значение, и он заполнялся весьма тщательно.

Формулярный список отдельно взятого чиновника, предназначенный для документирования его персональных данных, как и любая разновидность массовой делопроизводственной документации, сам по себе имеет ограниченный интерес, но определенная их совокупность позволяет выяснить ту или иную закономерность (27). В результате статистической обработки извлеченных из послужных списков служащих губернских, уездных и городских учреждений сведений мы получили полную картину общего уровня денежного содержания служащих.

Прежде всего, выяснилось, что фактические оклады служащих различных квалифицированных рангов были очень разнообразны. Минимальный годовой оклад составлял всего 12 руб. Наивысшая окладная ставка превышала, как уже отмечалось, 9 тыс. руб. В московских губернских учреждениях служащие с годовыми денежными окладами до 100 руб. составляли 17,9%, в уездных – 28,7%, в городских – 44% (в этих канцеляриях зафиксирован значительный процент низкооплачиваемых канцелярских работников); с окладами в 100–300 руб. соответственно: 33,8, 43,2 и 41,6%; свыше 300 руб. – 16 (из них только 2% имели оклады свыше 1 тыс. руб.), 11,6 и 5,2%. В калужских губернских присутствиях оклады менее 100 руб. в год получали 22% служащих, в уездных – 43,8%, в городских – 28,1%. Содержание в размере 100–300 руб. в губернских учреждениях имели 42% служа-

ших, в уездных – 43,9%, в городских – 66,4%, выше 300 руб. соответственно 15,4, 4 и 2,7%. Часть служащих, трудившихся в местной администрации, имели неокладное содержание (их служебная деятельность оплачивалась начальством «по трудам и заслугам»), либо служили вообще без жалованья. В московских учреждениях они составляли соответственно 14 и 5,8%, в калужских – 5,4 и 5,8%.

Таким образом, статистика показывает, что наиболее употребляемым среди местного чиновничества было годовое содержание в 100–300 руб. (Его имели 38,7% всех московских и 46% калужских чиновников.) При этом удельный вес служащих, получавших это содержание в уездных и городских канцеляриях, был выше, чем в органах губернского управления. В то же время последние превосходили уездные и городские канцелярии по числу чиновников с годовым окладом выше 300 руб.

Сделанное выше наблюдение можно подытожить следующим образом: материальное положение служащих местных правительственных учреждений было незавидным. Преобладающая их часть довольствовалась лишь скудным казенным содержанием, прожить на которое без дополнительного заработка было практически невозможно (28). В изучаемый период самодержавие было неспособно создать элементарные условия жизни для основной массы гражданских служащих на местах, вынужденных постоянно изыскивать средства к существованию. Материально обеспеченным слоем местной бюрократии, на котором держался режим Николая I, являлись выходцы из потомственного дворянства, занимавшие руководящие посты в губернской администрации.

Не располагая возможностью дать полный перечень должностных окладов служащих разных рангов и ведомств, приведем, по данным доступных нам послужных списков, сведения о размерах и видах основного и дополнительного содержания, получаемом губернской чиновной верхушкой. Наивысшие оклады существовали у губернаторов.

Годовые оклады других высших чиновников московской администрации составляли: вице-губернатора статского советника А.А. Тимахова-Беринга 2570 руб. (1400 – жалованье, 600 – столовые, 570 – квартирные) (29), председателя казенной палаты действительного статского советника П.В. Лукошкова 3998 руб. (1440,40, 1414, и 1143,60) (30), управляющего палатой госимуществ статского советника С.Г. Вишневого 2859,20 руб. (1143,68 – жалованье, 1715,52 – столовые) (31), председателя уголовной палаты статского советника Н.И. Орлова 1143,66 руб. (857,76 – жалованье, 285,90 – столовые) (32), председателя I департамента гражданской палаты статского советника В.И. Булыгина 1143,47 руб. (857,76 – жалованье, 285,71 – «прибавка») (33).

Содержание чиновников, служивших на аналогичных должностях в провинции, как правило, было чуть ниже, чем в столице. Оклад председателя казенной палаты действительного статского советника А.Ф. Кабрита состоял из жалованья – 1400 руб., столовых – 1132 руб., квартирных – 571,80 руб.

и «прибавки» – 700,30 руб., т.е. общая сумма его содержания равнялась 3804,10 руб. в год (34).

Управляющий палатой госимуществ коллежский советник Д.П. Волков получал 2287,36 руб. в год (1143,68 – жалованье, 1143,68 – столовые) (35). Председателю уголовной палаты отставному поручику А.И. Яковлеву и председателю гражданской палаты надворному советнику Н.А. Писареву выплачивалось жалованье в размере соответственно 1129,35 и 1129,07 руб. в год (36). Вице-губернатор статский советник П.Н. Клушин имел годовое содержание в размере 2580 руб. (1400 – жалованье, 600 – столовые и 580 – квартирные) (37).

Эти объективные показатели убеждают в материальном благополучии чиновников, стоявших у руля управления губернией. Окладное содержание вполне обеспечивало им достойный уровень и качество жизни.

Формулярные списки выявляют разницу в размерах окладного содержания служащих, занимавших аналогичные должности не только в учреждениях разных ведомств, но и внутри одного ведомства и даже учреждения. Так, столоначальник в Московском губернском правлении получал в год 286 руб., в палате госимуществ – 343, в Совестном суде – 252, в Уголовной палате – 242, в Палате гражданского суда – 80, 120 и 168 руб.

Особенно много неравенства было в окладах чиновников в уездных и городских учреждениях. Например, уездные судьи в Московской губернии имели содержание, равное 336, 343, 346 и 420 руб. в год, в Калужской – 327, 336 и 342 руб.

Суммы годового жалованья секретарей московских уездных судов колебались от 168 до 252 руб., столоначальников – от 54 до 180 руб., архивариусов – от 36 до 50 руб. Такая же картина наблюдалась и в уездных судах в провинции. Здесь жалованье секретарей варьировалось от 168 до 171 руб., столоначальников от 80 до 122 руб., архивариусов от 36 до 80 руб. и т.д. Размер жалованья столичных городничих составлял от 141 до 285 руб., квартирных от 30 до 142 руб. в год. В провинциальных уездных центрах городничим выдавалось годовое жалованье в размере от 280 до 285 руб.

Таким образом, размеры содержания чиновников, служивших на одинаковых должностях в системе местных учреждений, явно различались (подчас весьма значительно). Это объясняется тем, что губернская администрация при распределении денежных средств, выделяемых на содержание управленческого аппарата, руководствовалась как общероссийскими законами, так и местными правилами. Величина фактических выплат зависела не только от штатных ассигнований, специфики учреждения, размера подведомственной территории и численности проживавшего на ней населения, но и личности самого чиновника, его образованности, профессионального уровня, служебного стажа и личных заслуг. Местным властям с санкции правительственных органов разрешалось материально поощрять наиболее трудолюбивых, ретивых, способных и компетентных чиновников путем назначе-

ния к их штатному окладу постоянной денежной прибавки (38), давая им возможность заработать и стимул к карьерному росту.

Самой многочисленной категорией канцелярских чиновников и служащих был вспомогательный персонал губернских, уездных и городских учреждений. Жалованье этих служащих отличалось крайней пестротой, не зависело от ведомственной подчиненности учреждения. Кроме того, в столичных канцеляриях, как правило, содержание было выше, чем в провинции. Канцеляристы, из тех, на кого имеются сведения, в московских учреждениях получали в год: в губернских учреждениях от 24 (гражданская палата) до 210 руб. (казенная палата); в уездных от 12 (уездные суды) до 115 руб. (казначейства); в городских от 12 (сиротские суды) до 120 руб. (магистраты); в калужских губернских канцеляриях от 12 (гражданская и уголовная палаты) до 120 руб. (канцелярия губернатора), в уездных от 12 до 97 руб. (уездные суды), в городских от 60 до 86 руб. (магистраты).

Судя по приведенным цифровым показателям, на всех уровнях местного управления отчетливо прослеживается различие в величине жалованья канцелярских работников, трудившихся в учреждениях разных ведомств. Это со всей очевидностью говорит о том, что руководителями канцелярий при присвоении индивидуальных окладов канцеляристам учитывались многие факторы, в том числе опыт, деловые качества, время пребывания в должности, личные способности, прилежание. В отдельных случаях оклады канцеляристов превышали жалованье классных чиновников.

Отметим еще одну немаловажную деталь: многие служащие, судя по сведениям формулярных списков, имели нефиксированный оклад. К сожалению, нет возможности по учтенным формулярам (из-за фрагментарности и неполноты информации) определить размеры содержания всего контингента работников, причисленных к данной группе. Тем не менее, по сведениям части списков удалось установить, что величина их неокладного содержания в местных канцеляриях была неодинаковой и, в целом, соответствовала размерам низших окладов. Приведем ряд примеров.

Столоначальник уголовных и следственных дел Серпуховского уездного суда Московской губернии коллежский регистратор А.Ф. Комаров имел в 1854 г. неокладное жалованье в размере 63 руб. в год (39), а служивший в том же суде помощником столоначальника, не имевший классного чина М.Я. Победоносцев – 31 руб. в год (40). Столоначальник Ружского городского магистрата коллежский регистратор Н.Л. Орлов в 1853 г. получал в год 72 руб. (41), а его сослуживец – канцелярский служащий Е.И. Веселов – 49 руб. (42).

Такова в общих чертах объективная картина материального обеспечения служебной деятельности разных категорий служащих местных присутствий столицы и провинции, составленная на основе анализа репрезентативных данных послужных списков (43). Часть окладов устанавливалось самими канцеляриями в индивидуальном порядке, исходя из служебных заслуг и

трудов человека. Аккумулируемые формулярами сведения значительно полнее и точнее отражают размеры и структуру содержания каждого чиновника, чем имеющие ограниченное значение штатные расписания.

В то же время не следует абсолютизировать сведения формуляров для определения уровня материального благосостояния чиновников. Дореформенное чиновничество, как в центре, так и на местах, помимо должностных окладов, в большинстве своем не позволявших сводить концы с концами, имело и нелегальные, фактически незаконные источники доходов. Среди них самым распространенным было взяточничество. Размеры взяток подчас были столь значительны, что вполне могли обеспечить безбедное существование чиновника и его семьи. Такие доходы деятелей местной администрации следует учитывать при оценке их материального достатка. Однако рассмотрение этого вопроса требует привлечения других разновидностей источников и является предметом специального изучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) См., напр.: *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. – М., 1978; *Иванов В.А.* Губернское чиновничество 50–60 гг. XIX в. в России. Историко-источниковед. очерки (по материалам Московской и Калужской губерний). – Калуга, 1994; *Матханова Н.П.* Высшая администрация Восточной Сибири в середине XIX в. Проблемы социальной стратификации. – Новосибирск, 2002; *Мироненко С.В.* Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. – М., 1989; *Морякова О.В.* Система местного управления России при Николае I. – М., 1998; *Писарькова Л.Ф.* Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX века // *Человек.* – 1995. – № 3. – С. 121–139; № 4. – С. 147–153; *Она же.* От Петра I до Николая I: политика правительства в области формирования бюрократии // *Отечественная история.* – 1996. – № 4. – С. 29–43; *Шепелев Л.Е.* Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. – СПб., 2001; *Pintner W.M.* The Social Characteristics of the Early Nineteenth Century Russian Bureaucracy // *Slavic Review: American Quarterly of Soviet and East European Studies.* – Sept., 1970. – Vol. 29. – № 3. – P. 429–443; *Pintner W.M., Rowney D.K (eds).* Russian Officialdom. The Bureaucratization of Russian Society from the Seventeenth to the Twentieth Century. – Chapel Hill, 1980; *Пинтнер У.* The Nineteenth Century Provincial Civil Service. The Case of Kostroma // *Сословия и государственная власть в России. XV – середина XIX в.: Международная конф. «Чтения памяти акад. Л.В. Черепнина» (Москва, 13–16 июня 1994 г.): Тез. докл.* – М., 1994. – Ч. II. – С. 301–314; и др.
- (2) Свод законов Российской империи. – СПб., 1842. – Ч. 3. – Кн. 1. – Ст. 947, 949–951, 954–958, 994, 996, 1004, 1015–1018, 1022, 1048, 1051, 1076.
- (3) Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). – СПб., 1830. – Собр. I (ПСЗ-I). – Книга штатов. – Т. 44. – Ч. 2. – Отд. IV.
- (4) ПСЗ-II. – Т. 14. – Отд. 2. – № 12169; Т. 17. – Отд. 2. – № 16110; Т. 20. – Отд. 3. – № 14107; Отд. 2. – № 18580, 18608; Т. 23. – Отд. 2. – № 22232, 22802; Т. 27. – Отд. 2. – № 26396.
- (5) Для решения поставленной задачи привлечен представительный корпус отличающихся полнотой и сопоставимостью формулярных списков служащих присутственных мест Московской и Калужской губерний. Выбор губерний объясняется не только хорошей сохранностью источников, но и возможностью сопоставления величины содержания служащих местных присутствий столицы и провинции. В об-

щей сложности в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА), Центрального исторического архива Москвы (ЦИАМ) и Государственного архива Калужской области (ГАКО) выявлено 3003 формулярных списка чиновников и канцелярских служащих. Из них 1826 формуляров служащих, числившихся в 147 учреждениях Московской губернии и 1177 формуляров служащих 128 калужских присутствий, подчиненных министерствам внутренних дел, юстиции, финансов, госимуществ и Главному управлению путей сообщения и публичных зданий (Калужская губерния). Выявленные материалы образуют случайно сформированную выборку, репрезентативность которой по московским присутствиям составляет около 57%, по калужским – 78% (РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 5. – Д. 64, 65, 67, 68, 73, 703, 850, 2033, 2287, 2289, 3158, 4685, 4937, 5230, 5739, 5906, 6523, 7760, 9172; ЦИАМ. – Ф. 54. – Оп. 176. – Д. 2768, 2770–2772, 2775, 2777, 2778, 2781, 2783, 2788, 2791; ГАКО. – Ф. 62. – Оп. 1. – Д. 3452–3454, 3604–3608, 3726, 3780–3782, 4065).

- (6) ПСЗ-П. – Т. 20. – Отд. 2. – № 18580.
- (7) Там же.
- (8) Там же. – Т. 23. – Отд. 2. – № 22232.
- (9) Там же.
- (10) ЦИАМ. – Ф. 54. – Оп. 176. – Д. 2770. – Л. 934 об.
- (11) ПСЗ-П. – Т. 23. – Отд. 2. – № 22232.
- (12) ГАКО. – Ф. 62. – Оп. 1. – Д. 3780. – Л. 673 об.
- (13) Там же. – Л. 670 об. Кроме окладного жалования Сухотин получал инвалидное содержание в размере 144,65 руб. в год (там же).
- (14) ПСЗ-П. – Т. 23. – Отд. 2. – № 22802.
- (15) РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 5. – Д. 2287. – Л. 210 об., 212 об., 241 об.
- (16) Там же. – Л. 199 об.
- (17) Там же. – Л. 258 об.
- (18) Там же. – Л. 229 об., 234 об.
- (19) Там же. – Л. 240 об., 275 об., 276 об., 281 об., 308 об.
- (20) Там же. – Л. 249 об.; 257 об., 272 об.
- (21) Там же. – Л. 314 об., 318 об.
- (22) ПСЗ-П. – Т. 20. – Отд. 2. – № 18580.
- (23) ЦИАМ. – Ф. 54. – Оп. 176. – Д. 2783. – Л. 922 об.
- (24) ГАКО. – Ф. 62. – Оп. 1. – Д. 4141. – Л. 10 об.
- (25) *Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России... – С. 75–76.
- (26) ПСЗ-П. – Т. 24. – Отд. 2. – № 23401.
- (27) См.: подробнее о массовой документации: *Литвак Б.Г.* Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX в. – М., 1979. – С. 5–9.
- (28) Это наблюдение подкрепляют следующие данные. По расчетам калужских статистиков, в предреформенные годы прожиточный минимум для холостого чиновника в губернии составлял 125 руб. сер. в год, а семейного, имевшего не более четырех детей – 200 руб. сер. в год (Калужские губернские ведомости. 1859. № 33). В Москве, по исчислениям П.А. Зайончковского, одиноко живущему чиновнику для удовлетворения его самых насущных потребностей требовалось не менее 318 руб. в год (*Зайончковский П.А.* Правительственный аппарат самодержавной России... – С. 83).
- (29) ЦИАМ. – Ф. 54. – Оп. 176. – Д. 2783. – Л. 1 об.
- (30) РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 5. – Д. 2033.

- (31) Там же. – Д. 5230. – Л. 1 об.
- (32) ЦИАМ. – Ф. 54. – Оп. 176. – Д. 2770. – Л. 705 об.
- (33) Там же. – Д. 2783. – Л. 1 об.
- (34) ГАКО. – Ф. 62. – Оп. 1. – Д. 3781. – Л. 152 об.
- (35) РГИА. – Ф. 1349. – Оп. 5. – Д. 73. – Л. 1 об.
- (36) ГАКО. – Ф. – 62. – Оп. 1. – Д. 3780. – Л. 691 об.; Д. 3781. – Л. 1038 об.
- (37) Там же. – Л. 117 об.
- (38) ПСЗ-II. – Т. 13. – Отд. 2. – № 11876.
- (39) ЦИАМ. – Ф. 54. – Оп. 176. – Д. 2788. – Л. 135 об.
- (40) Там же. – Л. 246 об.
- (41) Там же. – Д. 2785. – Л. 279 об.
- (42) Там же. – Д. 2786. – Л. – 453 об.
- (43) Формуляры помимо получаемого содержания фиксировали также размеры пенсионного обеспечения, которое получала очень небольшая часть служащих, преимущественно из числа отставных военных, перешедших в статскую службу.

**OFFICE SUITABILITY OR CHIEF PERSONAL SYMPATHIES:
MONETARY MAINTENANCE OF SERVING LOCAL OFFICIAL BODIES
IN RUSSIA IN MID 19TH CENTURY**

V.A. Ivanov

Department of Russian History
K.E. Tsiolkovsky Kaluga State University
Lenin St., 83, Kaluga, Russia, 248600

In the article the author analyzes the basic sources containing data on various kinds of material maintenance (salary, nourishment money, rent money) of all categories of Russian local officials from governors to the lowest rank servants. The author reveals information potentialities of sources and possibility of their use for historical research.

Key words: material maintenance, staff allowance, service records, civil officials, local state institutions, salary.